«Мы совершенно не готовы к будущему»

Светлана Александровна Алексиевич

SHOUT
SHARE
IT

- Светлана Алексиевич Надежда Ажгихина

Светлана Алексиевич Надежда Ажгихина «Мы совершенно не готовы к будущему» Интервью Надежде Ажгихиной

Интервью Светланы Алексиевич, лауреата Нобелевской премии по литературе (2015), журналисту Н. Ажгихиной

Писатель Светлана Александровна Алексиевич родилась в послевоенной Беларуси в 1948 году. Белорусская земля испытала весь ужас кровавой бойни Второй мировой войны. На этой земле было разрушено почти 98 % городов — 209 из 270 — и 9200 деревень; практически уничтожена столица — Минск. За годы оккупации гитлеровцы провели свыше 140 карательных операций, на территории Беларуси было создано около 250 лагерей советских военнопленных, 350 концлагерей для гражданского населения и 186 еврейских гетто, в которых было уничтожено более 715 тыс. евреев. На принудительные работы в Германию было вывезено 400 тыс. человек. За годы войны на земле Беларуси погибло свыше трех миллионов жителей — то есть каждый третий.

Судьба Алексиевич была определена до ее рождения. Войной. Советской диктатурой. Страданием и силой духа ее народа. Из этого был рожден писатель.

Первая документальная книга Алексиевич «Я уехал из деревни» была составлена из рассказов советских белорусских колхозников, бежавших за лучшей жизнью в город; она должна была выйти в 1976 году, но набор рассыпали по указанию отдела пропаганды ЦК компартии БССР за «непонимание аграрной политики» партии.Подлинную известность получили другие ее книги в жанре художественно-документальной прозы — хотя и их путь был тернист. «У войны не женское лицо» стала первой опубликованной книгой С. Алексиевич. Эта документальная повесть, основанная на интервью с женщинами, участвовавшими в Великой Отечественной войне, была опубликована в 1985 году. За ней последовала книга, написанная по воспоминаниям детей, переживших войну, — «Последние свидетели: книга недетских рассказов». «Цинковые мальчики» (1989) стала следующей работой Алексиевич — книга об Афганской войне, о погибших на ней молодых ребятах, а еще — о цинизме советских правителей,

бросивших этих парней в кровавую бойню. Афганская кампания стала той последней каплей боли и народной ненависти, которой захлебнулась советская диктатура. Власть компартии пала; осталось выжженное ею постсоветское пространство. Которое не отпускало писателя. Так появились ее «Зачарованные смертью» и «Чернобыльская молитва». Эта, последняя, книга имеет подзаголовок «Хроника будущего», здесь Алексиевич впервые для себя затронула тему техногенной катастрофы.

Далее она обратится к проблеме девальвации культуры, нравственной энтропии современного общества и травме т. н. homosoveticus, что не смогла зарубцеваться за прошедшие десятилетия. Об этом, в частности, ее «Время секонд хэнд» (2013). Алексиевич говорит о своих героях: «Мне кажется, я знаю этого человека, он мне хорошо знаком, я рядом с ним, бок о бок прожила много лет. Он — это я. Это мои знакомые, друзья, родители…»

Книги С. Алексиевич переведены на английский, французский, немецкий, шведский, польский, китайский, норвежский и другие языки. Она — лауреат множества литературных премий и наград, среди них — премия Ремарка (2001), американская Национальная премия критики (2006), приз читательских симпатий российской премии «Большая книга» (2014), российская независимая премия «Триумф», немецкая премия «За лучшую политическую книгу» и др. В 2013 году Алексиевич стала лауреатом Международной премии мира немецких книготорговцев.

Светлана Алексиевич — лауреат Нобелевской премии по литературе (2015), с формулировкой «за её многоголосное творчество — памятник страданию и мужеству в наше время». Впервые Нобелевская премия была присуждена писателю, работающему в жанре художественно-документальной литературы.

Она пишет на русском языке и считает себя воспитанной русской культурой. Перебрав десяток стран, С. Алексиевич вернулась в Беларусь. Там ее читатель. Ее герой. Иногда ее книги определяют как цикл, как хронику Большой Утопии. Но важно помнить, что ее герои и ситуации — не художественный вымысел, а реальность прошлого, XX века. Как и века наступившего. Мы все, где бы мы ни жили, — герои книг Светланы Алексиевич.

От редакции

Н. Ажгихина: — *Светлана, мы с Вами встретились в середине 1990-х, это уже больше 20 лет назад, и всякий раз — в Москве, в Европе, Минске — говорили о человеческой природе, о памяти, о гене агрессии и деструкции в человек, и о том, как его преодолеть. Сегодня агрессия и нетерпимость стали общим местом повсюду; в*

России после выборов, судя по последним выступлениям СМИ, она даже набрала новую высоту. Мы — «в кольце врагов», все инакомыслящие — тоже «враги»… Почему так?

С. Алексиевич — Ненависть в обворованных, обманутых, униженных людях ищет выхода. И эти процессы ненависти, в общем, достаточно грамотно направили вовне, против внешнего врага; уже давно это произошло, произошла полная милитаризация сознания. Это такая форма отвода вовне энергии, которая может взорвать что-то внутри. Ничего нового здесь Путин не изобрел. У меня была статья, которая называлась «Коллективный Путин». Я писала там о том, что дело не в Путине. Путин просто аккумулировал, артикулировал желания — у кого-то ясные, у кого-то неясные, — желания общества, которое действительно чувствовало себя униженным, обворованным, обманутым. Мы, те, кто делал перестройку, задавали себе, среди прочего, вопрос: «Почему молчит народ?» Когда я поездила по России, уже значительно позднее, побывала в глубинке, я поняла, почему молчал: он не понял, что произошло, он не ждал этого. То есть обновления, какого-то освобождения от вранья — ждал. Но то, что произошло потом, ему было просто непонятно. Перестройку делала какая-то часть интеллигенции в больших городах во главе с Горбачевым. А остальные? Люди были в совершенной прострации. Никакого капитализма они не хотели. Может быть, идея капитализма вообще не совпадала с ментальностью русской. И когда Путин произнес: «Вокруг враги, мы должны быть сильными, нас должны уважать», — все встало на свои места. Вот так люди знают, как жить. И они опять сбились в мощное народное тело.

Н.А.: *— Но ненависть? Откуда ее столько? Неужели русские такие злые от природы? Неужели в прошлом (а оно как будто замещает настоящее в последнее время) мы хотим видеть только победоносные битвы — неважно, какой ценой победы в них были достигнуты? Только тиранов? Ведь было в истории и много другого…*

С.А.: — Можно сказать, что мы — военные люди, и любая неудача возвращает нас назад. Сейчас мы отброшены почти в Средневековье. Когда я ехала по Москве прошлым летом, то видела огромное количество людей, которые стоят, чтобы увидеть какой-то религиозный обряд. Чьи-то мощи, кажется. Это — форма побега от того, что происходит вокруг сейчас.

В какой-то момент мы сошли с нормального пути, на который, казалось бы, стали, — и, в общем, так и не шагнули в 21 век. Я помню, как в 2000 году ездила в Европу, как нам там радовались, как говорили, что «наконец-то вы с нами». Мы

должны понять, как снова стали людьми войны, как забыли то, о чем рассказывали нам отцы.

Н.А.: — *Мои родные и знакомые — фронтовики — не любили День Победы, и вообще не любили вспоминать о пережитом…*

С.А.: — Многие героини моей книги «У войны не женское лицо» говорили, что победа — это не то, о чем нужно говорить и вспоминать. Говорить и вспоминать нужно об опыте, как быть человеком, как не убивать. Одна женщина рассказывала: когда объявили о конце войны, они с сослуживицами расстреляли весь боевой комплект боеприпасов — снаряды, патроны, все до одного. На следующий день в эту часть приехала комиссия, попыталась в чем-то кого-то обвинить, и все искренне недоумевали — а зачем все это теперь? Людям казалось, что после таких слез, после таких страданий война уже никогда не может случиться. Но сегодня Россия опять ведет две войны, и на русском телевидении снова звучат угрозы — кого-то там можем превратить в «радиоактивный пепел».

Н.А.: — *И в ответ — нарастающая изоляция России, новые санкции, — и в России новый виток воинственной риторики, которая уничтожает все лучше…*

С.А.: — Когда я сама оказалась на войне, то поняла, что человек, взявший в руки автомат, становится другим, не тем, кого мама водила в хореографическое училище. Как будто бы в него вселяется бес, вскормленный военной культурой, которая пронизывает наше общество и безоговорочно в нем властвует. Зло более натренировано, чем добро. У искусства, кстати, есть темная сторона, вдохновленная злом. На войне я увидела, как много там красоты, — что смерть и красота всегда рядом, как в ночном небе летят снаряды, как поют солдаты вечером, каждый на своем языке. Вблизи смерти люди открывают в себе то, что спрятано в них очень глубоко. В первые недели моего пребывания в Афганистане я попала на выставку современного оружия. Человек потратил много времени на то, чтобы сделать зло красивым.

Я недавно видела по телевидению, как духовой оркестр солдат отправляют в Донбасс, героический такой репортаж, но я думаю, что настоящий герой сегодня — это тот, кто не стреляет.

Как писал Достоевский в своих дневниках — «сколько человека в человеке»? Не так много людей об этом задумываются и несут личную ответственность за происходящее в мире. Даже сегодняшняя нарочитая религиозность не принесла этого, она сгруппировала людей как будто в некое народное тело, которое, известно, чувствует, но не думает.

Н.А.: — *В ваших книгах герои, чаще героини, женщины, «проговаривают» самое важное и страшное, то, о чем не пишут в*

победных сводках и обычных репортажах. Женщинам более свойственно ощущать трагедию?

С.А.: — У женщин и детей есть какое-то особое знание о человеческом безумии, которое неизвестно каким образом укоренилось в нашей природе. В своих книгах я стараюсь показать голоса и версии людей, которые смотрят на события с разных сторон. Одну войну видела летчица, другую — артиллеристка, третью — женщина, которая была в рукопашной. Она сказала мне:«Я вам расскажу о такой войне, от которой и генерала стошнит», — это один из лучших рассказов в моей книге. Рассказывает: когда начинается рукопашная и люди сходятся друг с другом вплотную, то человек пропадает, а вместо него остается некий биовид. Когда колют в глаза и в живот, когда не кричат, а мычат, когда работает только один инстинкт, — выясняется, что на самом деле мы припорошены культурой только слегка. И все мне говорили: главное — не встретиться глазами с тем, кого убиваешь, в кого стреляешь. Потому что война требует бездумья, только так можно убивать. Стрелков говорил, что в Донбассе на протяжении первой недели сложнее всего было заставить людей стрелять друг в друга. Потому что для этого нужно из мирного времени шагнуть куда-то туда, где дают медали за то, за что обычно сажают в тюрьму. И сначала люди делали это нехотя, по принуждению.

Я — абсолютный пацифист. Никто не убедит меня в том, что человеческая жизнь чему-нибудь равна, — это божественный дар, и он дан не для того, чтобы умереть где-нибудь в Донбассе или в Сирии. Вопрос неприятия войны каждый человек должен решить для себя, выйти из той системы, не участвовать в ней. Думаю, в глазах потомков мы будем выглядеть, как варвары, — потому что мы так обходимся с человеческой жизнью.

Н.А.: — *Сегодня многие в России разочарованы происходящим на Западе, агрессией по отношению не только к российской политике, но и к русским вообще, активным созданием нового «образа врага». Для российских либералов — это самое горькое разочарование, настоящая травма.*

С.А: — На Западе традиция демократии все же имеет давнюю историю, люди сами участвуют в демократии. Я верю, что и Европа, и Америка сохранят свои принципы. Я недавно была в Польше и видела, что там происходит. Даже эта страна не устояла; эти темные идеи, поиск врагов — и там. В основе всего этого, мне кажется, — страх перед будущим. Оно настолько новое, пугающее, непривычное, его никто не может прогнозировать. И все же очень важно говорить. Разговаривать с людьми повсюду, попытаться их понять.

Н.А.: — *Вы много лет исследуете «красного человека» — человека советской эпохи. Этот тип уходит уже, кто приходит на смену? На встрече в Гоголь-центре в Москве, в Эрмитаже в Питере в аудитории были совсем молодые люди, которым важны ваши книги и мнение. Они спрашивали вас обо всем, им нужно было на что-то серьезное, чего они еще не понимают, опереться… Что вы думаете о них?*

С.А.: — Надеюсь, они смогут сказать свое слово. «Красный человек» не сумел. Почти за сто лет своего существования в истории.

«Красный человек» — несвободный человек, он не привык к свободе, к самостоятельному выбору. Главные его чувства — обида и ненависть. Как только возникает спор — он готов стрелять в оппонента. Даже образованные вполне люди готовы стрелять. Стрелять, сажать, ждать, что придет кто-то, кто все решит. Во «Времени секонд хэнд» я писала о том, как люди в последние годы вдруг вернулись в привычное состояние: они знают, как надо.

В России был очень краткий период демократии, в Белоруссии — еще короче. Потом пришел Лукашенко, и у нас остался социализм. До недавнего времени у Лукашенко был контракт с населением, он выполнял какие-то обязательства. Такой императорский социализм. Лукашенко сам недавно сказал: «Какая правозащитная деятельность? — все решает один человек». И люди не возражают. Один таксист недавно мне говорит: «Главное, это семья, — заработать денег, новую шубу жене купить, домик в деревне достроить». Это все желания…

Н.А.: — *На встречах в России, и еще раньше в Европе, и в Нобелевской лекции вы говорили о том, что нас ждут еще более страшные войны, чем все предшествующие, — не человека с человеком, но людей с природой.*

С.А.: — Природа будет проверять нас, как Чернобыль, как Фукусима. Сильный тайфун способен превратить цивилизацию в груду мусора.

Я была в Чернобыле, когда оттуда вывозили людей. Солдат сказал, что одну женщину не могут силой вытащить из дома. Когда я подошла, она увидела меня одну среди мужчин и сказала: «Деточка, ну разве это война? Посмотри, птицы летают, я даже мышку утром видела». Эта новая опасность не бросает бомбы, не имеет запаха, цвета, она невидимая. Я была после катастрофы на Фукусиме, там было точно то же самое: тысячи людей, согнанные со своей земли, прекрасные дома, прекрасная земля — это оставлено, это один к одному, что я видела в Чернобыле. Такие же лица людей. Правда, люди воспитаны в другой философии,

нет такого культа страдания. Они стараются прожить свою жизнь сейчас. У наших людей постарше жизнь была просто перечеркнута после Чернобыля. А в Японии люди пытаются все равно жить. Там тоже жестко государство контролирует, ничего не говорит. Если в Чернобыль можно было приехать журналистам, то к Фукусиме нас только за 10 километров пустили, дальше — военная зона, нельзя.

Н.А.: — *Что сегодня говорят о Чернобыле в Беларуси?*

С.А.: — Ничего не говорят. Это не принято. Ученые старались и стараются как-то помочь; с самого начала собирали деньги, старались сделать что-то для людей, объяснить, как себя вести, что можно, что нельзя. К ним не слишком прислушивались. Очень многие люди умерли. Наши проблемы упираются в проблемы культуры. На Фукусиме, в общем-то, следят, чтобы меры предосторожности выполнялись, службы работают. И люди делали то, что нужно. А у нас — нет. Даже когда следили, требовали уничтожать продукты зараженные, — люди их не уничтожали. Как крестьянину выбросить продукты? А это смерть, растянутая во времени, это другая смерть, другая реальность. Говорят крестьянину, что перед ним зараженная вода, — он смотрит: вода как вода. Помню, идет бабка, несет молоко, солдат за ней идет, следит, чтобы она вылила его. Но она все равно не выльет, это просто невозможно. И к каждой бабке солдата не приставишь. Это культура. Поэтому так много больных детей. Потому так многие умерли. Я приехала из Европы — очень многие знакомые умерли. Рак. Писатели-фантасты говорили о горизонтах освоения новых энергий и освоении вселенной, а тут мирный атом оказался не наш совершенно, оказался смертельно опасным… Это очень трудно понять и принять. Мы вообще очень хрупки, мы совершенно не готовы к будущему, к новым вызовам.

Н.А.: — *Как быть? Где найти точку опоры?*

С.А.: — Мне кажется, нам надо осмыслить происходящее. Социальное. И более широкое, всеобщее. И разговаривать. Долгое время казалось, что перестройка, все эти процессы — необратимы. Мы были очень наивными, нам казалось: придет демократия, и все решится само собой. Когда я несколько лет назад ездила по России, часто слышала: Светлана, это у вас, в Белоруссии, у нас все это уже позади, возврата к прошлому нет, это невозможно. И вдруг раз — и все возможно. А самое главное — с нами со всеми все возможно сделать. И сопротивления нет. Кто-то уезжает, кто-то уходит во «внутреннюю эмиграцию», кто-то старается как-то мимикрировать и затихнуть.

Я думаю, что это уже становится опасным, если мы будем дальше так же молчать. Придут силы, еще сильнее сегодняшних.

Беда, что мы не договорили очень многое в 1990-х. Мы не успели проговорить наше прошлое, отпустить. Осудить сталинизм. Все развивалось слишком быстро, все пошло в материальную сторону. Самое удивительное во всем этом — насколько все вдруг «попались» на материальное. Мне кажется, испытание лагерем люди выдержали лучше, чем испытание долларом. Я долго жила в Европе, помню, что, когда уезжала, в Белоруссии было много людей демократически настроенных, готовых обсуждать, что-то делать. Приехала через десять лет — и не вижу почти никого. Куда они все делись? Не могли же они все умереть и уехать? Может быть, это разочарование… Может быть — что-то поколенческое…

Н.А.: — *Благодаря вам мир узнал о Белоруссии. Вы вернулись в Минск. Вас ценят на родине? Что удается сделать в Минске первому в истории страны Нобелевскому лауреату?*

С.А.: — До премии иногда некоторые люди говорили: почему я пишу на русском? Но идея говорила на русском. Сейчас я встречаю людей на улице, которые мне рады. Кто-то в кафе торт сделал для меня. Кто-то благодарит. Кто-то просит помочь. Люди сами тоже предлагают помощь. Очень много времени забирают встречи. Подготовка к событиям Клуба.

Н.А.: — *Клуб Светланы Алексиевич вот уже больше года приглашает в Минск выдающихся деятелей культуры Европы и России, собирает полные залы; приезжают те, кого в Белоруссии давно не видели. Вы верите, что эти встречи помогут воспитать новое поколение? Пробудить?*

С.А.: — Когда уезжала, мне казалось, что скоро всё в Белоруссии изменится. Но оказалось, всё надолго. Я живу в Минске, хотя много езжу, выступаю. Решила сократить поездки, надо сохранить время и силы для работы. Почему Клуб? Хотела привезти в Минск людей, которые умеют мыслить самостоятельно. Александр Сокуров, Владимир Сорокин, Ольга Седакова, Александр Морозов, Рута Ванагайте… Это люди, неудобные для многих и у себя дома. Руту Ванагайте просто преследовали после ее книги об участии литовцев в уничтожении евреев. Кстати, и мою статью об этом лучшая независимая польская газета не напечатала. Но именно такие независимые люди, гуманитарии, несут свет.

Новая реальность предлагает и даже навязывает нам технократическую культуру. С одной стороны — люди стали жить больше. Действительно, на 30–40 лет отодвинулась реальная старость, но к этому, кстати, многие люди тоже не готовы. Об этом мало говорят. На Западе — иное, там мои знакомые и в 90 лет активно интересуются окружающим, участвуют в жизни

других, молодых. С другой стороны, я заметила: когда людей сажают в тюрьму, а в Белоруссии часто сажают, и в России тоже, — они очень быстро «сдают». Тот же Никита Белых — был цветущий мужчина, а после нескольких месяцев заключения стал просто развалиной. Это напомнило мне фотографии белорусских заключенных. Значит, мы все очень зависим от медицинских технологий. Когда мы оказываемся вне их влияния, в обычной среде, — мы не выживаем.

Н.А.: — *Но технологии реально продлевают жизнь, улучшают ее качество, расширяют возможности человека. Делают возможным то, о чем и не мечтали несколько лет назад, — вспомните недавно ушедшего Стивена Хокинга. Это просто фантастика!*

С.А.: — Сегодня новое популярное веяние — абсолютная вера в технологии. Когда-то так верили в химию. Потом — в физику, это увлечение было до самого Чернобыля. Сегодня многие считают, что именно технологии, роботы помогут решить все проблемы. Но я верю: мир спасет гуманитарный человек. Лично я удивляюсь и не могу понять, почему русская элита — ведь не все же там путинцы и ура-патриоты, — не говорит о самых важных вопросах: о природе, которая восстала против нас, о гуманитарных знаниях, которые изгоняются из школы. Надо защищать не только отдельного человека, но очень важно защищать гуманитарное знание, гуманитарного человека как вид. Что первое сделал Трамп, когда пришел в Белый дом? Выбросил все, что имело отношение к окружающей среде, к проблемам потепления. Сегодня вообще нет стратегического взгляда в будущее.

В наше время совпали две катастрофы: политическая катастрофа, «холодная война», — и космическая катастрофа. Чернобыль, Фукусима — человек к этому не готов. Политика — это более знакомо; белые, красные — это проще. А Чернобыль показал наше незнание, наши пределы. И я удивляюсь, почему об этом философы не говорят, даже наши белорусские. Сегодня не обязательно воевать, не обязательно Путин или Трамп захотят войну; просто что-то, кто-то может сорваться — и все исчезнет. Технический прогресс — это разновидность войны сегодня. Но мир спасет не технология, а культура.

Н.А.: — *Что могут сделать писатели, гуманитарии в сегодняшнем агрессивном и разорванном мире?*

С.А.: — Вырабатывать культуру сопротивления распаду и агрессии.

Я не знаю, почему либералы стали так рано сдаваться. Потребительство оказалось очень пронырливо. В советское время,

в нашем аскетизме, мы не знали, что это такое. И многие боятся… Мы знаем друг о друге на уровне коллективной мифологии и «холодной войны», мы недостаточно любопытны. Все демонизируют Путина, а дело не в конкретном человеке, но в коллективном Путине…

Н.А.: — *Вы были членом российского ПЕНа до его трансформации в прогосударственную структуру, теперь — член инициативной группы Ассоциации «Свободное слово», новой организации, которая защищает права художника и журналиста, право на выражение независимого мнения. Почему это важно для вас? Что могут сделать творческие организации?*

С.А.: — Мы должны не отступать. Беда, что многие такие организации разлагаются изнутри. Как тот же российский ПЕН. Их покупают. Надо искать новые формы сопротивления. Сейчас писатель не соберет стадион, но 700–800 человек точно придут. Надо найти слова, которые помогли бы людям. Мне понравилась одна женщина, она ко мне подошла после выступления и сказала: «Я не сильный человек, но я знаю, что я всегда буду на стороне добра». Надо об этом больше говорить. Политолог Александр Морозов у нас на заседании Клуба об этом очень точно сказал. Все зависит от личного мужества каждого из нас. Или его отсутствия. Ведь кто-то предал Серебренникова. А Малобродский не предал. И многие именно тогда поняли — это касается всех. И стали солидаризироваться. В следующий раз придут за тобой. Такая проба. Тест. Все стали опасаться и думать, как быть, это уже новый момент.

Н.А.: — *Судьба Нобелевских лауреатов в России — быть поруганными соотечественниками. Бунин, Пастернак, Бродский, даже правоверный вполне Шолохов. И вас обвинили в русофобии практически сразу после премии и Нобелевской лекции. Нашлись коллеги-писатели и журналисты, которые не постеснялись просто лгать. Российская Общественная коллегия по жалобам на прессу по обращению Ассоциации «Свободное слово» осудила агентство «Регнум», разместившее сфальсифицированное интервью; к сожалению, об этом решении знают немногие. А о том, что Алексиевич — русофобка, — многие. Вас это тревожит?*

С.А.: — Я дала журналисту шанс, хотя понимала, что у него есть своя задача. Я думаю, читатели все увидят сами. Мне лично очень помогают живые лица, голоса тех людей, с которыми я встречалась в Москве, в Петербурге.

Н.А.: — *Что бы вы пожелали российско-западному культурному взаимодействию, которое почти заморожено?*

С.А.: — Важно дать слово людям культуры, иной диалог сегодня проблематичен. Должны быть личности, готовые

включиться в этот диалог. Тот же Международный ПЕН. Не нужно делать массовок, Интернет и новые технологии помогут. Руту Ванагайте, ее выступление у нас в Клубе, посмотрело более миллиона человек. Потом ее перевели на русский. Мне кажется, важно говорить об актуальных темах, которые волнуют людей, определяют наше время. Тема палача и жертвы сегодня оказалась очень актуальна. Я думаю, точно так же надо больше привозить людей в Россию. Надо противостоять ненависти.

Пришло время сопротивляться. В тоталитарном обществе может произойти всё что угодно. Вот российский ПЕН издает воинственные сборники. Представить, что писатель может быть на стороне войны, — это было невозможно еще совсем недавно.

Я вернулась, потому что считаю: писатель должен жить дома. Мы воспитаны в культуре борьбы, но удивительно, как мы потеряли эту культуру. Один писатель мне сказал: «Нам всем есть что терять, Как можно не быть доверенным лицом Путина, если у сына ресторанчик?» Надо сопротивляться!

Интервью — Надежда Ажгихина,
член инициативной группы ассоциации «Сводобное слово»
Минск— Москва